

Религиоведение. 2022. № 3. С. 35–45.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2022. No. 3. P. 35–45.

DOI: 10.22250/20728662_2022_3_35

Чегодаев Е.А.

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН
450077, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6
ligo2010@mail.ru*

Организация религиозной жизни латышей Башкирии (конец XIX – 70 гг. XX в.)

Аннотация. Статья посвящена анализу организации религиозной жизни латышских переселенцев со времени основания крестьянских колоний в Уфимской губернии (Башкирии) в последней четверти XIX в. и до 70-х гг. XX в., времени утраты многих обычаев после десятилетий борьбы советской власти с религией и массового исхода латышей на историческую родину. Впервые целью статьи является выявление роли религии, способствовавшей успешной адаптации, внутриэтнической консолидации латышей, оказавшихся в полиэтническом и поликонфессиональном обществе, различающемся уровнем культуры и ментальностью, и сохранении этнической культуры. На примере лютеранского проповедника Э.О. Франца показана роль духовных наставников. Выявлены историко-этнографические районы распространения протестантизма. Описана взаимосвязь между переходом в православие и сменой этнической идентичности в пользу русской, между утратой традиционной религии и уникального пласта латышской культуры. Установлено, что религиозная жизнь сельских латышей Башкирии несколько оживилась в 50–70 гг. XX в.: относительно регулярно проводились молитвенные собрания пожилых односельчан, справлялись Рождество с организацией детского утренника, другие религиозные праздники; возродились кладбищенские богослужения. Однако в виду отсутствия священников ритуалы ограничивались общей молитвой, чтением Евангелия, пением священных гимнов.

Ключевые слова: переселенцы, латыши, Уфимская губерния, религия, лютеранство, баптизм, православие, культура, пасторы, молитвенные собрания, обряды, коллективизация, репрессии

Evgeny A. Chegodaev

*R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of RAS
6 C. Marx str., Ufa, 450077, Russia
ligo2010@mail.ru*

Organization of Religious Life of Latvians of Bashkiria (the End of the 19th – the 70s of the 20th Centuries)

Abstract. The article analyses the organization of the religious life of Latvian immigrants since the founding of peasant colonies in Ufa province (Bashkiria) in the last quarter of the 19th century and up to the 70s of the 20th century. That was the time of the loss of many customs after decades of struggle of the Soviet government with religion and the mass exodus of Latvians to their historical homeland. For the first time, the purpose of the article is to identify the role of religion, which contributed to the successful adaptation, intra-ethnic consolidation of Latvians who found themselves in a multi-ethnic and multi-confessional society with a strikingly different level of culture and mentality, and the preservation of ethnic culture. The author shows the role of spiritual mentors is shown by the example of Lutheran preacher E.O. Franz and identifies the historical and ethnographic areas of Protestantism spread. The article also describes relationship between the transition to Orthodoxy and the change of ethnic identity in favor of Russian, between the loss of traditional religion and the unique layer of Latvian culture. It is established that the religious life of rural Latvians of Bashkiria revived somewhat in the 50–70s of the 20th century: prayer meetings of elderly villagers were held relatively regularly, Christmas was celebrated with the organization of a children's matinee, other religious holidays; cemetery services were revived. However, due to the absence of priests, rituals were limited to common prayer, reading the Gospel, and singing sacred hymns.

Key words: immigrants, Latvians, Ufa province, religion, Lutheranism, Baptism, Orthodoxy, culture, pastors, prayer meetings, rituals, collectivization, repression

В Уфимской губернии латыши начали обосновываться в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в., создав ряд крестьянских колоний. Переселенцы отличались высокой культурой хозяйственной деятельности и принесли на башкирские земли неоценимый опыт, полученный в условиях интенсивного функционирования аграрного сектора Прибалтики, ставшего в будущем залогом успешного развития индивидуальных хозяйств. Этому немало способствовала этническая и конфессиональная солидарность.

Следует отметить, что заявленная проблема изучена недостаточно и большей частью фрагментарно, что подтверждается отсутствием фундаментальных исследований. В наиболее известных монографиях О.А. Лиценбергер «Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938)» (М., 1999) и «Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории» (М., 2003) данная тема также не рассматривается. Можно выделить следующие работы, касающиеся рассматриваемого нами вопроса: о латышском православном приходе упоминают М.И. Роднов и О.В. Васильева в работе «Храм в Архангельском» (Уфа, 1999), документы о закрытии Уфимской кирхи в 1930 г. приведены О.В. Курило в монографии «Лютеране в России XVI–XX вв.» (М., 2002), об участии представителей Уфимской губернии в Синодальном съезде Латышской евангелическо-лютеранской церкви в 1928 г. имеются сведения в работе В.В. Солодовникова «Лютеранская диадема» (Псков, 2010), баптистам посвящены работы Ю.Н. Сергеева «Баптизм в Башкирии: очерки истории (конец XIX–XX вв.)» (Уфа, 1998) и А.П. Александрова «Долиною смертной тени» (Уфа, 2014) и «История Балтийской общины баптистов в Башкирии» (Уфа, 2020), современная религиозная жизнь республики освещена в монографии А.Н. Кляшева «Протестантизм в Республике Башкортостан: социальная реакция на вызовы современности» (Уфа, 2013).

Первые сведения о религиозной принадлежности латышей Уфимской губернии отражены в материалах переписи 1897 г., согласно данным которой было зарегистрировано 3211 латышей-лютеран, что составляло 82,9% от их общей численности. Вторую, значительную по величине группу, составляли православные – 596 чел., или 15,4%. Другие конфессиональные группы и вероисповедования в среде

латышского населения представлены крайне незначительно: старообрядцы – 7 чел., католики – 13 чел., баптисты – 17 чел. В дальнейшем численность баптистов несколько возросла. Их общины появились в Балтийской и Архангельской латышской колониях [Александров, 2013, 61–63, 67–70]. К 1913 г. Скимская баптистская община из Архангельской латышской колонии насчитывала уже 95 чел. [Александров, 2013, 64]. В мемуарной литературе упоминаются также хернхутисты [Рукушан, 2007, 12], вероятно, речь идёт о гернгуттерах, представители которых проживали на территории Бакалдинской колонии.

Латышские православные верующие, находясь в окружении русского населения, не испытывали особых затруднений в исполнении религиозных обрядов, была лишь проблема «с нехваткой священников, которые знали бы латышский язык» [Кикутс, 2011, 39]. Естественно, что принадлежность к православию в условиях доминирующего русскоязычного населения способствовала адаптации, ассимиляции и русификации данной группы латышей. Православные латыши были приписаны к ближайшим приходам. Довольно многочисленная община православных латышей проживала в Стерлитамакском уезде в Архангельской колонии. Православный латышский приход занимал отдельный придел Михайло-Архангельской церкви, пристроенный в 1890–1893 годах [Роднов, 1991, 21]. Показательно, что священник латышского прихода получал высокое казённое жалованье, которое составляло 600 руб. в год, также ему полагалось 300 руб. на возмещение разъездных расходов [Уфимские епархиальные ведомости, 1911, 779].

В последней четверти XIX в. ближайший лютеранский приход Уфимской губернии находился в г. Златоусте, куда приходилось обращаться для совершения обрядов. С завершением строительства Самаро-Златоустовской железной дороги положение лютеранских общин существенно облегчилось. В этот период стали особо интенсивно создаваться латышские поселения на территории Уфимской губернии, которые также нуждались в постоянном пасторском присутствии. Латышские колонии навещали пасторы из г. Златоуста, а также из других регионов страны. Так, «в конце 80-х гг. XIX в. колонии Ауструмциемской группы раз в год посещал священник лютеранской церкви из Оренбурга, который венчал и крестил колонистов. Проблему создавало то, что этот оренбургский пастор был армянином, знавшим только немецкий язык» [Кикутс, 2011, 39]. По всей видимости, это был Чахмахсянц Иаким, служивший пастором в Оренбурге с 1883 г. по 1913 г. [Сидорук, 2012].

Жительница Банковской колонии А.Я. Лейнасар в своих воспоминаниях отмечала, что до 1924 г. каждое лето в Банковку приезжал священник из Среднего Поволжья, который вёл службу на трёх языках: немецком, латышском и эстонском. Пастор обслуживал и другие селения. Например, в Банковку приезжали немцы из д. Александровка, чтобы послушать проповедь и совершить необходимые обряды¹.

Латышские переселенцы не были первыми лютеранами, осевшими на Южном Урале. История возникновения лютеранства на Южном Урале и, в частности, в Уфимской губернии связана с немецкими мастерами-оружейниками, приглашёнными для работы на казенный завод в г. Златоуст в 10-х – 20-х гг. XIX в. из немецкого города Золинген. В 1811 г. в г. Златоусте была создана лютеранская община [Лиценбергер, 2003, 453]. На Южном Урале это была не единственная община, имелся также лютеранский приход в г. Оренбурге, основанный в 1767 г. [Лиценбергер, 2003, 453].

В 1865 г. г. Златоуст становится уездным центром Уфимской губернии. Располагавшийся в нём лютеранский приход св. Марии первоначально был моноэтническим немецким, с незначительным количеством прихожан, имевших возможность регулярного посещения церкви. Абсолютное большинство членов лютеранской общины было рассеяно на обширной территории в колониях и посёлках, расположенных на значительном отдалении друг от друга. Епископ Т.Ф. Майер в своей работе «По Сибири. На службе Евангелическо-лютеранской церкви» охарактеризовал г. Златоуст как «центр лютеранских общин на западном склоне Уральских гор, включая Уфимскую губернию, и на восточном склоне до Челябинска и далее» [Епископ Майер, 2005, 15]. С увеличением числа латышского

населения поменялся и этнический состав пасторов. Все последние настоятели были этническими латышами. Пасторами служили: в 1893–1895 гг. – Балодис Карл, в 1897 г. – Х. Криевс [Krasnais, 1938, 173], с 1898 г. по 1908 г. – Александр Симсонт, с 1883 г. по 1892 г. и с 1911 г. по 1928 г. – Иоганн Недоль [Лиценбергер, 1999, 375].

Даже в периоды отсутствия в приходе пастора в связи с вакансией пасторской должности религиозная жизнь не прекращалась, церковные обряды и регистрацию гражданского состояния исполняли пасторы из других регионов страны. Консистория находила возможность поддерживать религиозную жизнь колоний. Так, в июле-декабре 1909 г. латышские колонии посещал пастор Р. Циммерман, в июне-июле 1910 г. – Карл Ирбе. Кроме вышеперечисленных священников, Уфимскую губернию приезжали Г.А. Лециус [Лиценбергер, 1999, 363], Э.К. Аллас, Энгельгарт, Биргелис, Мигле [Рукшан, 2007, 12].

Пасторы, служившие в России, отличались своим образованием. Были среди них и выпускники Дерпского университета. Вышеупомянутый Карл Балодис в дальнейшем стал профессором Берлинского и Рижского университетов. Карл Ирбе в 1917 г. возглавил Латышскую консисторию в России, а после 1920 г. стал первым епископом Евангелическо-лютеранской церкви Латвии, доктором теологии [Курило, 2002, 165].

Лютеранские священники периодически, не реже одного раза в год, посещали латышские колонии, проводили богослужения, читали проповеди, совершали необходимые обряды: крестили детей, венчали, причащали, конфирмировали. Утверждали акты крещения и смерти, о чём делали соответствующие записи в метрических книгах. Так, пастор А. Симсонт в 1906 г. совершил 14 служебных поездок только по латышским колониям края. Во время которых лично окрестил 42 младенца и утвердил 114 крещений, произведенных церковными старостами и другими прихожанами [АЗГОЧО. Ф. И-98. Оп. 1. Д 1а. Л. 7–43]. Пасторы посещали также многочисленные немецкие колонии не только Уфимской губернии, но и других регионов, иногда охватывая все лютеранские поселения, независимо от этнической принадлежности их обитателей. Так, в августе 1911 г. пастор И. Недоль посетил колонии Оренбургской губернии [АЗГОЧО. Ф. И-98. Оп. 1. Д 1а. Л. 56–65], а в сентябре – Тургайской области [АЗГОЧО. Ф. И-98. Оп. 1. Д 1а. Л. 65–71].

Илл. 1. Пастор Иоганн Недоль (сидит в центре) с латышами колонии Ауструм.

Особое положение в колониях занимали церковные старосты. Они выбирались из наиболее грамотных и уважаемых жителей. Круг их обязанностей был весьма обширен и регламентировался Уставом церкви [СЗРИ, 1896, 166–168]. Они крестили новорождённых, читали молитвы над больными и умершими, распоряжались на кладбище, следили за воспитанием и домашним обучением детей Закону Божьему, принимали добровольные пожертвования для церкви. Одной из важных обязанностей церковных старост было наблюдение за поведением и

образом жизни прихожан, за сельскими училищами. Они должны были докладывать проповеднику о больных и об эпидемиях [СЗРИ, 1896, 167]. В их обязанность входило даже хранение церковного вина и утвари.

Например, в течение в 1906 г. церковными старостами латышских колоний было крещено 110 детей, 71 из которых – в Архангельской колонии [АЗГОЧО. Ф. И-98. Оп. 1. Д. 1а. Л. 7–43]. Возможно, это связано с тем, что Архангельская колония была наиболее крупным поселением латышей и не только в Уфимской губернии, но и за пределами исторической родины.

Отдалённость Златоуста от латышских колоний не способствовала удовлетворению религиозных потребностей переселенцев. В крупных сельских обществах стали устраиваться молитвенные дома. В Симбирской и Балтийской колониях молитвенный дом был возведён для жителей обеих колоний на условной границе, разделяющей эти сельские общества, рядом была построена школа. Другой молитвенный дом был расположен в Архангельской латышской колонии. В колониях, не имеющих молитвенных домов, церковные службы проводили в школах, а в последующие годы – даже в частных домах. Так было, например, в Банковке, где проживали латыши и эстонцы, где из-за отсутствия молитвенного дома служба проводилась в воскресные дни в помещении школы. Такое же положение сложилось и в Балажинской колонии. Об этом упоминается в газете «Власть труда» за 1922 г., в заметке, характеризующей школьные помещения Охлебининской волости. В частности, говорится, что Балажинская школа расположена в лютеранской молельне [Михнес, 1922], в действительности же помещение школы использовали для молитвенных собраний.

Существенное значение лютеранская религия имела в развитии культурных традиций и грамотности населения, в частности, элементарные знания требовались для прохождения обряда конфирмации. Однодневная перепись начальных школ в январе 1911 г. показала, что в Оренбургском учебном округе, в который входила Уфимская губерния, процент учащихся детей по отношению к остальному населению был наиболее высоким у лютеран, он составил 9,76%. Для сравнения: среди православных русских этот показатель был равен 4,63%, римско-католиков – 6,62%, иудеев – 6,77% [Однодневная перепись, 1914, 20]. В каждой латышской семье были Библия, Малый катехизис Мартина Лютера (*Mārtiņa Lutera Mazais Katehisms*), «Книга песен» («*Dziesma grāmata*») с текстами псалмов, которые исполнялись во время богослужений, молитвенники, церковные календари, библейские истории, другая религиозная литература. Во время полевых исследований автора неоднократно встречались книги, отмеченные фамилиями владельцев, и даже именная Библия с тиснёной надписью, принадлежавшая Карлу Рекису (*Karl Rehkis*, 1916)².

В этой связи латыши, объясняя разницу между православной и лютеранской религией, говорили, что «если в каждом русском доме есть икона, то в каждом латышском – Библия»³. Большое значение для латышских колонистов имела традиция всеобщего пения во время богослужений. Такие богослужения сплачивали людей, повышали их культурный уровень, прививали элементарные знания в области музыки. Участие в совместном богослужении, как взрослых, так и детей, имело большое воспитательное значение. Как отмечал епископ Т. Майер, говоря о латышах и эстонцах, «в церковном отношении они сохранили все так, как это было у них на родине. Церковное песнопение улаживает душу. Любой член общины может сам запевать и петь каждый наш лютеранский хорал» [Епископ, 2005, 127].

Совместное песнопение практикуется не только у лютеран, но и других протестантских церквей. Русская Православная церковь также пыталась привить его в своих храмах, заявляя, что «ничто так не возвышает дух человека и не возносит его к Богу, как общее согласное пение». Но это «оказалось трудной задачей и не прививалось у прихожан» в силу отсутствия сформированной традиции [Литягина, 2006, 119].

С ростом числа лютеран в Уфимской губернии назрела необходимость строительства Евангелическо-лютеранской церкви непосредственно в г. Уфе, а также открытия лютеранского кладбища. В связи с этим Уфимский евангелическо-

лютеранский церковный совет два раза обращался в городскую Думу: в 1900 г. с ходатайством о бесплатном выделении земельного участка под строительство молитвенного дома [Журналы, 1901, 139–140], а в 1905 г. – об устройстве Евангелическо-лютеранского кладбища [Журналы, 1906. 153–154]. Оба ходатайства были удовлетворены. Строительство Уфимской кирхи завершилось в январе 1910 г. Освятил её пастор Энгельгарт из Самары. Настоятелем филиального прихода стал пастор Иоганн Недоль из г. Златоуста.

Гражданская война и приход к власти большевиков внесли коренные изменения в жизни российских верующих. Естественно, консолидирующая сила религии была реальной угрозой для новой власти. Был издан ряд антирелигиозных законов, разрушивших основу существования религиозных организаций. Антирелигиозная борьба в полной мере коснулась и латышского населения. В этот исторический период в стране катастрофически не хватало пасторов. Эдуард Оттович Франц из Архангельской латышской колонии был одним из немногих служителей Лютеранской церкви, продолжавших исполнять пастырский долг. Родился Э.О. Франц 03 июля 1890 г. в Латвии, в Маткульской волости, Талсинского уезда, в семье кузнеца. До 1915 г. жил в г. Гольдинген (Кулдига), имел профессии мастера сельскохозяйственных машин и электромонтера. В Петроград прибыл в 1915 г. как беженец во время первой мировой войны. Работал на заводах Петрограда, в 1919–1920 гг. служил в Красной армии. В 1921 г. поступил на миссионерские курсы, по окончании которых в 1922 г. был направлен в Башкирию [АУФСБ РФ по РБ. ВФ № 4012. Л. 4].

Илл. 2. Миссионер Э.О. Франц (сидит в центре) в день конфирмации в Балтийской колонии Иглинского р-на БашАССР. Начало 30-х гг. XX в.

Это был сложный период, когда лютеранская, как и другие церкви страны, не только потеряла государственную поддержку, но и была разорена. Многие приходы, в т.ч. и лютеране Башкирии, оказались вне церковной организации. Произошёл раскол и внутри самой церкви. Э.О. Франц не имел специального теологического образования, в документах того времени он значится как миссионер. В то же время Э.О. Франц оставался заметной фигурой как у латышей Башкирии, так и лютеран других регионов страны. В частности, он принимал участие в работе Синодального съезда Латышской Евангелическо-лютеранской церкви в 1928 г. [Солодовников, 2010, 84].

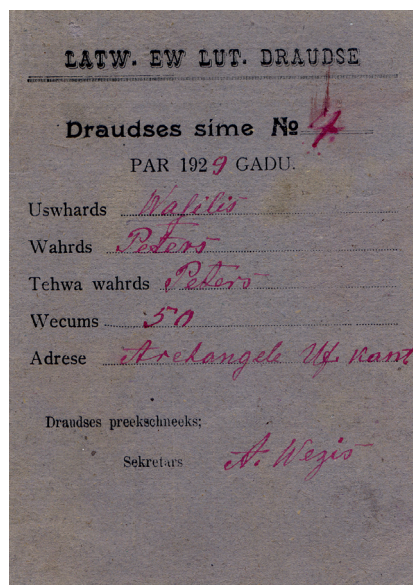
Э.О. Франц поддерживал добрые отношения и с Архангельской латышской общиной баптистов, которая специально для него даже выписывала журнал «Баптист» [АУФСБ РФ по РБ, ВФ № 4012. Л. 25]. Миссионер пытался вести с членами баптистской общины переговоры об их переходе в лютеранство, мотивируя это необходимостью сплочения латышей [АУФСБ РФ по РБ. ВФ № 3748. Л. 10].

Относительно спокойная жизнь первого десятилетия Советской власти была не долгой, со свёртыванием НЭП усилилась борьба с религией. Закрылись и использовались не по назначению культовые сооружения. Власти предпринимали не только действия по уничтожению церковных общин, но и пытались держать под контролем умонастроения верующих. В этих непростых условиях жизни прихода Э.О. Франц пытался отстоять права верующих на свободу вероисповедания. Противостояли ему не только районные власти, но и Латышская секция, созданная при Губернском партийном комитете. Конфликт интересов верующих и власти наглядно показывают документы того времени. Секретарь Латсекции Губкома ВКП(б) Ю. Ольман, анализируя социально-экономическую жизнь Архангельской латышской колонии, отмечал, что «всех верующих – их насчитывается около 80% всего населения – можно разделить на три основные группы: евангелисты, баптисты и православные. По количеству больше всего насчитываются евангелисты. Во главе их стоит священник Франс. Последний в своей демагогии не знает никаких пределов. Вся агитация Франса и его агентов-пелмельдеров (Perminderis – церковный староста – Е. Ч.) сводится к тому, что крестьянство при существовании советской власти не имеет перспектив своего дальнейшего развития. Что советская власть для крестьян является регрессивным фактором, тормозящим экономическое и культурное развитие. Примерно к тому же сводится агитация вожаков баптистских и других религиозных сект. Всё это передаётся вожаками и распространяется их подручными среди масс всевозможными путями, иногда очень в замаскированной форме. Иногда довольно открыто и смело выбрасываются лозунги и выражения, включающие в себя чувства возмущения и протест».

Перед работниками советских органов ставилась задача: «Вести повседневное изучение содержания и методов работы религиозного общества «Kristus gaisma» («Свет Христа»), своевременно реагируя в общественной работе на демагогические вылазки Франца и его агентов. Для этой цели необходимо выявить весь безбазный актив, узнать, где и когда собираются сектанты и соответственно дать задание неверующим, чтобы они присутствовали на занятиях, регулярно собирая от них информационный материал. Наиболее характерный материал немедленно направлять в Латсекцию» [НА РБ. Ф. 122. О. 6. Д. 150. Л. 23].

В конце 1928 г. для улучшения церковной работы Э.О. Франц пытался ввести удостоверения членов прихода – (латыш. «Draudsēs sime») (Приходской знак) [АУФСБ РФ по РБ. ВФ № 4012. Л.17]. Эти удостоверения не были нововведением, ранее они уже вводились в г. Ленинграде, а о их выдаче в некоторых приходах Сибири упоминает и епископ Т. Майер. В последствии от этой затеи пришлось отказаться, так как в условиях тоталитарного режима идея упорядочивания жизни религиозной общины путём введения членских книжек, по аналогии с профсоюзными или партийными билетами, была обречена.

Власти обоснованно опасались молитвенных собраний, так как последние были неподконтрольным местом встречи жителей латышских колоний, где они, в отсутствии советских работников, могли обмениваться новостями и высказаться по наиболее важным вопросам. Это происходило не только в частных беседах, но иногда и публично. Например, во время богослужения, когда священник заканчивал проповедь, (если это было не литургическое богослужение) выступали некоторые из прихожан, которые читали Библию, комментируя прочитанное, проводя аналогию

Илл. 3. Удостоверение члена
лютеранского прихода.
Фото автора.

библейских историй с событиями, происходящими в Советской стране. Естественно, такие сравнения носили негативный, антисоветский характер. Они создавали среди латышей общественное мнение, противоположное официальной пропаганде. Миссионер, как и простые прихожане, иногда не мог скрыть своего отношения к тому, что происходит в обществе. Например, в августе 1928 г. на годовом молебне, на кладбище Архлатышской колонии, в присутствии около 300 чел. Э.О. Франц «Произнёс проповедь, в которой говорил о скором конце света, связывая это с тем, что много стало безбожников» [АУФСБ РФ по РБ. ВФ № 4012. Л. 23].

Исторические процессы 20-х – 30-х гг. XX в., связанные с изменением социально-политической системы страны, требовали перехода от индивидуальных к коллективным хозяйствам. Наиболее болезненно они затронули латышские хозяйства, свыше 58% которых считались зажиточными, т.е. кулацкими [Бежкович, 1973, 80]. Значительное количество латышей было депортировано во внесудебном порядке в период сплошной коллективизации.

Последовавшие в дальнейшем политические репрессии охватили все слои населения – от священнослужителей до простых сельских жителей, преимущественно мужчин среднего возраста. По данным «Книги памяти жертв политических репрессий», к началу 1939 года по ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления) в Башкирии было осуждено 656 латышей. Приговорено к высшей мере наказания и расстреляно 418 чел. (63,7 % от общего числа осужденных) [КПЖПР РБ, 1997, 1998, 2001, 2003, 2005, 2008, 2011]. По воспоминаниям жителей с. Бакалдино, «только за одну ночь в декабре 1937 г. из села исчезло 57 чел.» [Габдрафиков, Блинкена, 2002, 420]. В колхозе Балажи Иглинского района республики было арестовано более 40 чел.⁴ Аналогичное положение складывалось и в других латышских поселениях.

Был репрессирован и Э.О. Франц, которого в январе 1938 г. особым порядке Комиссией НКВД и Прокурора СССР приговорили по статье 58, пункты 7 и 11 УК РСФСР, к высшей мере наказания и расстреляли 13 февраля 1938 года [КПЖПР РБ, 2005, 217].

Эти негативные процессы привели к тому, что в послевоенный период начинается усиленный отток латышей на историческую родину, теперь уже союзную республику.

По результатам Всесоюзной переписи населения 1959 г. численность латышей Башкирии составила 3804 чел., по сравнению с данными переписи 1939 г., их численность уменьшилась на 2994 чел., или на 44,1%.

Религиозная жизнь сельских латышей Башкирии несколько оживилась в период 50–70 г. XX в. Молитвенные собрания проводились относительно регулярно, как правило, в ограниченном кругу пожилых односельчан. Традиционно справлялось Рождество с организацией детского утренника, другие религиозные праздники. Крещением детей занимались либо знающие обряд люди, либо представители православной церкви. В продолжение традиции конфирмации особо торжественно отмечали достижение молодежью возраста восемнадцати лет. В этот день, как и во время религиозного обряда, девушек старались нарядить в белые платья.

Возродились кладбищенские богослужения. По воспоминаниям информаторов из д. Балажи, их проводили в весенне-летний период вплоть до 70-х гг. XX в. Приурочивали их чаще всего к празднику «Троица». Производилась уборка кладбища, высаживались цветы, могилы также украшали цветами и венками. В виду отсутствия священников проповедь под открытым небом не устраивалась, ограничивались общей молитвой, чтением Евангелия, пением священных гимнов. Распоряжались на празднике пожилые женщины. Совместное пение иногда сопровождалось музыкальными инструментами, как правило, это были аккордеон или баян. В последние годы на кладбищенских службах в Балажах аккомпанировал на аккордеоне Либман Карл Карлович⁵, единственный из сельчан вернувшийся из Магаданских лагерей после отбытия десятилетнего срока наказания. На территории Башкортостана в ряде случаев произошел переход латышей-лютеран в православие под влиянием превосходящего по численности русского населения, ввиду отсутствия лютеранских храмов и священнослужителей. Этот процесс наблюдается

и в наше время. Годы борьбы с религией в СССР способствовали формированию нового поколения латышей-атеистов.

Заключение

Из представленных материалов можно сделать вывод, что латыши, переселившись в Уфимскую губернию (Башкирию), дополнили конфессиональную и этнокультурную мозаичность края. Большинство их было лютеранами, часть исповедала православие и баптизм. Существенное значение в сплочении латышей и их адаптации имела религия, роль которой значительно возросла вдали от материнского этноса, ставшей не только основой духовной жизни, но и связующим звеном с исторической родиной и соотечественниками из других колоний края и страны.

В основе прекращения общественной религиозной жизни лежат репрессивные меры государства по отношению к проповедникам и простым прихожанам. В результате политических репрессий и борьбы с религией в 30–40-е годы XX в. были ликвидированы не только церковные приходы, но и лютеранское духовенство. Религия потеряла свою консолидирующую силу и влияние на латышскую диаспору. Последовавшая ликвидация хуторских хозяйств окончательно разрушила жизненный уклад латышей Башкирии.

Итогом борьбы советской власти с религией стала утеря уникального пласта латышской культуры, приведшей к разрушению этнической самобытности, утрате национальных традиций. Результатом стал их массовый исход с земли, ставшей для них второй родиной. Успешное развитие этнической группы латышей Башкирии прервалось.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках государственного задания № АААА-А21-121012290086-0 ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2023 гг.

Acknowledgment

The study was carried out as a part of state assignment No. ААААА21-121012290086-0 of the IEI of the UFIC RAS for 2021–2023.

Список сокращений

АЗГОЧО – Архив Златоустовского городского округа Челябинской области
АУФСБ РФ по РБ – Архив Федеральной службы безопасности России по Республике Башкортостан
КПЖПР РБ – Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан
СЗРИ – Свод законов Российской Империи
ПМА – Полевые материалы автора

Библиографический список

1. Архив Златоустовского городского округа, Челябинской обл. Ф. И-98. Оп. 1. Д 1а.
2. Архив Федеральной службы безопасности России по Республике Башкортостан. ВФ № 3748, 4012.
3. Александров, А.П. Долиною смертной тени. Евангельские христиане и баптисты Башкирии в 1918–1943 гг. / А.П. Александров. – Бирск, 2013. – С. 61–63; 67–70.
4. Бежкович, А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии / А.С. Бежкович // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1973. – Т. 5. – С. 61–93.
5. Габдрафиков, И.Г. Латыши / И.Г. Габдрафиков, А.Я. Блинкена // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. – Уфа, 2002. – С. 420.
6. Епископ Майер, Т. В Сибирь. В служении Евангелическо-Лютеранской Церкви / Епископ Т. Майер. – М., 2005. – С. 15.
7. Журналы Уфимской Городской Думы. 1900 г. – Уфа, 1901. – С. 139–140.
8. Журналы Уфимской Городской Думы. 1905 г. – Уфа, 1906. – С. 153–154.

9. Кикутс, Т. Основные тенденции в истории создания и развития латышских колоний в Уфимской губернии / Т. Кикутс // Россия и Балтия. – М., 2011. – Вып. 6. – С. 38.
10. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан (в 7 томах). – Уфа, 1997–2011.
11. Курило, О.В. Лютеране в России XVI–XX вв. / О.В. Курило – М., 2002. – С. 165.
12. Литягина, А.В. Уровень религиозности населения Западной Сибири (1861–1917 гг.) / А.В. Литягина // Вопросы истории. – 2006. – № 9. – С. 119.
13. Лиценбергер, О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938) / О.А. Лиценбергер. – М., 1999. – С. 375.
14. Лиценбергер, О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории / О.А. Лиценбергер. – М., 2003. – С. 453.
15. Михнес. Наши школы / Михнес // Власть труда. Орган Уфимского губкома ВКП(б). – 29 июня 1922.
16. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. О. 6. Д. 150. Л. 23.
17. Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведённая 18 января 1911 года / Ред. В.И. Покровского. – СПб., 1896. – Вып. VII. – Ч. 1.
18. Падучев, П.П. Русская Швейцария (Очерки Южного Урала) / П.П. Падучев // Исторический вестник. – СПб., 1892. – С. 463–464.
19. Роднов, М.И. Храм в Архангельском / М.И. Роднов, О.В. Васильева. – Уфа, 1999. – 48 с.
20. Рукшан, Х., Аунс-Уралиетис А. Письма с земли детства / Х. Рукшан, А. Аунс-Уралиетис. – Верхние Татышлы, 2007. – С. 12.
21. Свод законов Российской Империи // Уставы духовных дел иностранных исповеданий. – СПб., 1896. – Т. XI. – Ч. 1.
22. Солодовников, В.В. Лютеранская диадема / В.В. Солодовников. – Псков, 2010. – 198 с.
23. Уфимские епархиальные ведомости. – Уфа, 1911. – № 20. – С. 779.

Текст поступил в редакцию 11.03.2022.

Принят к публикации 03.05.2022.

Опубликован 29.09.2022.

¹ ПМА – 2013 г. Из домашнего архива Муровых, д. Банковка Стерлибашевского р-на РБ.

² ПМА – 2013 г. Из домашнего архива В.К. Михельсон (1951 г. р.), г. Уфа РБ.

³ ПМА – 2012 г. Воспоминания А.И. Осис (1928 г.р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

⁴ ПМА – 2010 г. Воспоминания М.И. Валле (1923 г. р.), с. Балажи Иглинского р-на РБ.

⁵ ПМА – 2013 г. Воспоминания А.И. Осис (1928 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

References

1. *Arkhiv Zlatoustovskogo gorodskogo okruga, Chelyabinskoy oblasti* [Archive of Zlatoust City District, Chelyabinsk Region]. Fund I-98. Inventory 1. File 1a (in Russian).
2. *Arkhiv Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossii po Respublike Bashkortostan* [Archive of the Federal Security Service for the Republic of Bashkortostan]. VF No. 3748, 4012 (in Russian).
3. Aleksandrov A.P. *Dolinoyu smertnoj teni. Evangel'skie xristiane i baptisty Bashkirii v 1918–1943 gg.* [The Valley of the Shadow of Death. Evangelical Christians and Baptists of Bashkiria in 1918–1943]. Birk, 2013, pp. 61–63, 67–70 (in Russian).
4. Bezhkovich A.S. *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archeology and Ethnography of Bashkiria]. Ufa, 1973, vol. 5, pp. 61–93 (in Russian).
5. Gabdrafiqov I.G., Blinken A.Ya. *Narody Bashkortostana: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Peoples of Bashkortostan: Historical and Ethnographic Essays]. Ufa, 2002, 420 p. (in Russian).
6. Bishop Mayer T. *V Sibir'. V sluzhenii Evangelicheskoy-Lyuteranskoj Cerkvi* [To Siberia. In the ministry of the Evangelical Lutheran Church]. Moscow, 2005, p. 15 (in Russian).
7. *Zhurnaly Ufimskoj Gorodskoj Dumy. 1900 g.* [Journals of the Ufa City Duma. 1900]. Ufa, 1901, pp. 139–140 (in Russian).
8. *Zhurnaly Ufimskoj Gorodskoj Dumy. 1905 g.* [Journals of the Ufa City Duma. 1900]. Ufa, 1906, pp. 153–154 (in Russian).
9. Kikuts T. *Rossiya i Baltiya* [Russia and the Baltic States]. Moscow, 2011, iss. 6, p. 38 (in Russian).
10. *Kniga pamyati zhevtv politicheskix repressij Respubliki Bashkortostan* [The Book of Memory of the Victims of Political Repression of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, 1997, vol. 1, 464 p.; 1999, vol. 2, 528 p.; 2001, vol. 3, 632 p.; 2003, vol. 4, 632 p.; 2005, vol. 5, 632 p.; 2008, vol. 6, 408 p.; 2011, vol. 7, 408 p. (in Russian).
11. Kurilo O.V. *Lyuterane v Rossii XVI–XX vv.* [Lutherans in Russia of the 16th – 20th Centuries]. Moscow, 2002, 165 p. (in Russian).
12. Lityagina A.V. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2006, no. 9, p. 119 (in Russian).

13. Licenberger O.A. *Evangelicheskoye lyuteranskoye cerkov' i sovetskoye gosudarstvo (1917–1938)* [The Evangelical Lutheran Church and the Soviet State (1917–1938)]. Moscow, 1999, 375 p. (in Russian).
14. Licenberger O.A. *Evangelicheskoye lyuteranskoye cerkov' v Rossijskoj istorii* [The Evangelical Lutheran Church in Russian History]. Moscow, 2003, 453 p. (in Russian).
15. Mikhnes. *Vlast' truda. Organ Ufimskogo gubkoma VKP(b)* [The Power of Labor. The Organ of the Ufa Gubkom of the CPSU(b)]. June 29, 1922 (in Russian).
16. *Nacional'nyj arkhiv Respubliki Bashkortostan* [The National Archive of the Republic of Bashkortostan] Fund 122. Inventory 6. File 150. Fol. 23 (in Russian).
17. Paduchev P.P. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Bulletin]. St. Petersburg, 1892, pp. 463–464 (in Russian).
18. *Odnodnevnyaya perepis' nachal'nykh shkol v Imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 goda* [One-day Census of Primary Schools in the Empire, Made on January 18, 1911]. Ed. V.I. Pokrovsky. St. Petersburg, 1896, iss. VII, part 1 (in Russian).
19. Rodnov M.I., Vasilyeva O.V. *Khram v Arxangel'skom* [The church in Arkhangelsk]. Ufa, 1999, 48 p. (in Russian).
20. Rukshan H., Auns-Uralietis A. *Pis'ma s zemli detstva* [Letters from the land of childhood]. Upper Tatyshly, 2007, p. 12 (in Russian).
21. *Ustavy dukhovnykh del inostrannykh ispovedaniy* [Charters of Spiritual Affairs of Foreign Confessions]. St. Petersburg, 1896, vol. XI, part 1 (in Russian).
22. Solodovnikov V.V. *Lyuteranskaya diadema* [Lutheran Diadem]. Pskov, 2010, 198 p. (in Russian).
23. *Ufimskie eparkhial'ny'e vedomosti* [Ufa Diocesan Gazette]. Ufa, 1911. no. 20, p. 779 (in Russian).

Submitted for publication: November 29, 2022.

Accepted for publication: May 3, 2022.

Published: September 29, 2022.